

ЗАСЛОН

Литрес

ПЕРВЫЙ ПАЛАДИН

АНДРЕЙ БОЦМАН

Андрей Боцман Первый Паладин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69287611

SelfPub; 2023

Аннотация

В огромной Вселенной, много лет назад перенесшей опустошительную войну, все еще найдется место, где можно тихо прожить отмерянные годы. Пока Никита строит планы на беззаботную жизнь после службы, Судьба готовит ему совершенно иную стезю.

Андрей Боцман

Первый Паладин

По ТВ сегодня смотреть было совершенно нечего – как и вчера, как и триста ночей назад. Никита без остановки переключал каналы в VR-шлеме, то и дело замыкая круг фильмов и передач, словно изголодавшийся цифровой уроборос, тонущий в ватной паволоке бессонницы.

Каждую ночь, в любой день недели и время года, последние хрен знает сколько лет, по колониальным каналам показывали документалки и хроники о решающем штурме колониального ополчения Марсианских Фем, после которого остатки рептилоидов покинули Солнечную систему и Земля, наконец, была освобождена. За шестьдесят лет с окончания войны они были сняты во всех возможных ракурсах, пересказаны и восстановлены истории каждого участника тех событий с такой раздражающей точностью, что иногда, если быть внимательным, можно было увидеть на третьем плане победной сцены одной из картин деда Никиты – Ефрема Николаевича, бесследно сгинувшего тогда на красной планете, гордо позирующего на фоне стеклянных куполов марсианской столицы с плазмобоем наперевес. Больше отвращение вызывали только сопливые, призванные вызвать слезу, однотипные фильмы о героической гибели последних паладинов Заслона на Хадаре, второй планете Толимана, пожертвовав-

ших собой в отчаянной попытке не допустить оккупационный флот рептилоидов к Земле. Утопая в бесконечном потоке нападающих ящеров, высокие фигуры в золоченых, хорошо узнаваемых штурмовых доспехах Ордена, размашисто и методично, с православным смирением, рассекали накалывающую массу врага, зеленая кровь лилась рекой – а бронепластины и забрало шлема у паладина всегда оставались безупречно чистыми. Вот так, по мнению режиссеров этих халтур, весь Орден и полег на посту – чистенько и не спеша.

Иногда в эфир пускали каналы из метрополии, но ночью это была практически всегда порнуха, а из-за новой моды на Земле на межвидовой секс между человеческими женщинами и рептилоидами-рабами, смотреть ее было до невозможности омерзительно.

Никита стащил с головы шлем и вновь оказался в сумраке стандартного одноместного жилого модуля погранзаставы Объединенных Колоний. На площади шестнадцати квадратных метров умещался платяной шкаф, рабочий стол с игровым голокубом, да кровать-полуторка у широкого окна, закрытого жалюзи. Не бог весть что, но все же лучше, чем всю жизнь в грязи горбатиться на рисовых плантациях Таира за мягкую перину и красивый вид на террасе колхозного дома на берегу одного из бесчисленных озер этой планеты-болота. То ли дело наш Угамар!

Никита опустил шлем на пол и осторожно, чтобы не разбудить растекшуюся конопатой щекой по подушке Агату,

приоткрыл жалюзи. За куцей цепочкой приземистых ангаров и казарм заставы фантазмагорически светились теплицы агрогородка, а дальше, насколько хватало глаз, простирались бесконечные угамарские каменные пустоши. Планета – глиняный черепок, бедная водой и кислородом, почти без растительности и совсем без животных, болталась в пустоте вокруг своего маленького холодного красного солнца где-то на самой границе обитаемого сектора, таща на себе пять тысяч человек непостоянного населения.

Если кто-то когда-то посчитал что именно здесь из бесконечного мрака космоса к людским мирам вновь вернуться рептилоиды, то он определенно ошибся. За все восемьдесят лет в системе не появлялось ни одного корабля, кроме ежегодного корабля снабжения с периферийных колоний, а на поверхности планеты легкий ветерок из года в год перегонял песчаные барханы с одного холма на другой. Тихо, как в склепе, но Никиту это довольно долго вполне устраивало – служба на дальних заставах шла год за три, и за каких-нибудь десять лет можно было заработать себе на пенсию и маленькое шале на одной из планет Внутренней Цепи, поближе к Метрополии – говорят там в бутиках даже есть продукты и вещи с Земли. И хоть дни на дежурствах тянулись как жвачка – ночи помогала скрасить Агата и здоровый сон, но вот именно он вдруг куда-то подевался. И теперь тишина угнетала.

Никита встал с кровати и вышел в коридор жилой сек-

ции чтобы умыться. Что-то скопилось у него внутри за годы, проведенные здесь, он чувствовал, жизненная энергия собралась, сжалась в туго сдвленную пружину, но возможности распрямиться у нее уже не было. Он уже понимал, но все еще боялся признаться себе, что жизнь проходила мимо, иссушая его душу угамарскими песчаными ветрами, и ни шале, ни Агата, уже не могли исправить ситуацию. Казалось, он всю жизнь к чему-то готовился, но это что-то так и не произошло, и уже скорее всего не произойдет, и бессонница душила его этими вечными вопросами уже полгода, изо дня в день выгоняя в коридор умываться.

У умывальника стоял старший прапорщик Клим Нефедов, сосед по секции, и отстраненным взглядом смотрел в маленькое зеркальце над раковиной. Кран был перекрыт не полностью, и по длинному коридору этажа, в слепом свете ночных ламп разносилось глухое эхо капающей воды. Никита остановился на пороге, сомневаясь стоит ли ему выходить, но потом все-таки осторожно притворил за собой дверь.

– Не спится? – только тогда заговорил Нефедов. Это был огромный, плотно сбитый мужик, уже сильно в возрасте, обладающий невероятно низким басом, отчего каждое его слово звучало как угроза. Впрочем, возможно так и было – он зачем-то отбывал на Угамаре уже третий десятилетний срок.

Никита молча кивнул и с тоской посмотрел на пустой коридор – оставаться наедине с Нефедовым было некомфортно и днем, а ночью было даже немного страшновато.

– Не думал, что это какая-то параша? – он не оборачиваясь смотрел на отражение Никиты в зеркале. – Мы торчим здесь всю жизнь, чтобы не пустить ящеров к Земле, а эти изнеженные ублюдки сами подкладывают под них своих женщин!

Очевидно Нефедов пересмотрел порнушки на ночь. «Никто не заставляет тебя подписывать третий контракт» – подумалось Никите, но вслух он только хмыкнул и неопределенно пожал плечами. Повисла напряженная тишина – Никите больше нечего было добавить, уйти так и не дождавшись очереди к умывальнику было неловко, а Нефедов, похоже, не планировал от него отходить до утра. Ситуацию спасла Агата.

– У тебя там что-то жужжит, – она высунула заспанное лицо в приоткрытую дверь и чудовищно щурилась на свет в коридоре.

Почти вслух облегченно вздохнув, Никита молча вернулся в личный модуль и закрыл за собой дверь. Агата стояла посреди комнаты укутавшись в одеяло и отстраненно махнув в сторону стола, снова плюхнулась на кровать.

– Мне кажется Клим начал сходить с ума, – проговорил ей вслед Никита, оглядывая темную комнату, в попытке определить откуда шел звук. – Не дай бог попасть с ним в дальний патруль, придушит же и спокойно отъедет в санчасть, ему даже медосвидетельствование не нужно.

Звук напоминал стук песка о плексиглас окна во время

песчаной бури и шел откуда-то из-за голокуба, рождаясь в ворохе не стиранной уже почти месяц одежды. Никита включил подсветку напульсника и разбросав футболки и штаны, вдруг наткнулся на аварийный коммутатор вмонтированный в стену за столом, поврежденная колонка которого хрипло жужжала неисправным динамиком.

– Твою ж мать! – вдруг до Никиты дошло что он отключил персональный коммуникатор перед сном, Агата оставила свой у себя, и единственный способ быстро вызвать его на пост в случае необходимости – штатный коммутатор, о существовании которого он уже, если честно, забыл. – Агата, подъем! Меня в комендатуру вызывают!

Никита нетерпеливо потрепал ее за плечо, получил от Агаты по уху, но поднял ее, и достав из-под подушки коммуникационный модуль напульсника, убедился, что на нем три пропущенных вызова от капитана Мураева.

– Он меня прикончит! – резюмировал ситуацию Никита, впопыхах натягивая форменные брюки.

– На черта ему сдался спелеолог посреди ночи? – Агата села на кровати и нещадно чесала глаза.

– Чтобы убить и засунуть останки в самую глубокую пещеру какую только я смогу найти! – огрызнулся Никита, схватил китель и выпрыгнул за дверь.

Краем глаза отметив что Клима у раковины уже не было, он почти бегом помчался к дежурке, на ходу застегивая пуговицы. После третьего поворота по коридору, у внешней пе-

реборки, Никита налетел на доктора Войцеховского, едва не выбив у него из рук синеватый куб давно вышедшего из эксплуатации портативного модуля дешифратора гамма-волн.

– И вас вызвали? – удивленно воскликнул он, поймав равновесие с прибором на вытянутых руках. – Зачем среди ночи может понадобиться спелеолог?

– Тот же вопрос меня терзает относительно профессора криптографии, – улыбнулся ему Никита и помог поудобнее перехватить дешифратор.

– Сказали, что им нужна моя помощь! – гордо продекларировал старик и нетерпеливо двинулся к воротам.

Януш Войцеховский не служил на заставе и не подписывал контракт – он второй год писал диссертацию в Антанайлийском Университете Колоний на тему обязательных церемониальных посланий на столовых приборах рептилоидов, которые все еще можно было найти на дальних планетах. По совместительству он возглавлял местный краеведческий музей и порядком всем надоел, таская с мусорных могильников инструменты и приборы, выброшенные предыдущими сменами.

Они прошли крытым переходом, соединяющим жилые секции с центральным постом и вышли на главный плац военной части. Это была круглая площадь геометрически правильной формы диаметром пятьсот пятьдесят метров, для большей важности специально выложенная булыжником и укрытая огромным стеклянным куполом. В это время здесь

было приглушено уличное освещение, и она обычно пустовала, но сейчас почти в центре стояли два транспортера патрульной службы и у их открытых десантных люков толпились два полных наряда – в каждом по два сержанта в боевых скафандрах с плазмобоями на груди и по четыре андроида, покорно выстроившихся в шеренгу у борта машины.

– Ник, неужели рептилоиды в системе? – то ли озабоченно, то ли восторженно шепнул Никите на ухо профессор, когда они проходили мимо военных.

– Вот сейчас и узнаем, – Никита не разделял его воодушевления.

В последнее время в сети, особенно в академической среде, активно обсуждалось мнение, что рептилоиды давно вымерли и угрозы человечеству много лет не существует, а военное управление в Колониях нужно только для того, чтобы нувориши с Земли могли контролировать всю остальную цивилизацию. Как основной аргумент, сторонники этой теории, использовали полное отсутствие активности за периметром пограничных баз, и даже предлагали организовать экспедицию к ближайшим неисследованным мирам – но дальше общественных дискуссий это никогда не уходило.

По мнению Никиты, сторонники этой теории только мутили воду, зачем-то пытаясь отыскать старого врага и навлечь новые беды на человечество. Как говорит древняя мудрость – «не буди лихо, пока спит тихо». К пропагандистским фильмам и сукке пограничной службы можно было отно-

ситься как угодно, но о новой войне с рептилоидами страшно было даже думать. А если все же длинные черные корабли штурмового флота ящеров вновь когда-нибудь появятся на краю ойкумены, Никита очень надеялся, что в это время будет уже где-нибудь на границе Метрополии.

Под пристальными взглядами десантников они быстрым шагом прошли остаток площади и зашли в комендатуру. Вдоль стен, за пультом контроля периметра внешней сети спутников сидела дежурная смена астролокации, усиленная срочно вызванными отпускниками – Агате повезло что ее смена только закончилась. Вдали, в рубке экстренной кросс-релятивной связи, толпилось около шести человек, и, насколько Никите удалось рассмотреть, в одном из шлемофонов секретного канала, за спиной командира БЧ связи и управления стоял полковник Кудасов – комендант всей заставы.

Над главным информационных голокубом в центре помещения мерцала довольно детальная проекция части планеты – Никита сразу узнал Долманский хребет по характерным, как-будто покосившимся и съехавшим с вершин к земле, кратерам давно потухших вулканов, среди округлых осыпавшихся от старости пиков. Здесь тихо переговаривались между собой командир единственного в системе военного корабля – пограничного эсминца «Стерегающий» – капитан третьего ранга Марат Минниханов и капитан Мураев – руководитель вспомогательных служб, и его, Никиты, непосред-

ственный начальник. Чуть поодаль от них, заложив руки за спину и пристально глядя на голограмму, широко расставив ноги и источая маскулинную уверенность в себе, как одинокая невозмутимая скала, возвышался Нефедов.

– Зайцев, наконец! – неожиданно ласково и с заметным облегчением всплеснул руками Мураев, едва увидев из-за плеча Минниханова Никиту.

Приветствие не по уставу от этого крючкотворца и карьериста, да еще и протянутые в приветствии ладони выдавали в нем чрезмерное волнение, что только добавляло градуса в итак излишне раскаленную атмосферу напряженности. Никита почти физически ощущал давление спертого до предела взвинченными эмоциями воздуха.

– Клим! – Мураев больно впился пальцами Никите в плечо и развернул его в сторону Нефедова, тут же, словно вспомнив про Войцеховского, обернулся к замешкавшемуся старику: – Профессор, идемте!

Нестройной группой они двинулись вслед за прапорщиком, уже уверенно шагавшему в сторону диспетчерской. Здесь было пусто – ни дежурного, ни телеграфистки, только пульт тревожно мигал красными лампами пропущенных вызовов.

– Это все один и тот же сигнал, – пояснил Мураев, прочитав немой вопрос в глазах Войцеховского. – Передается непрерывно вот уже сорок минут с одинаковым интервалом в тридцать секунд и продолжительностью в десять.

– Гамма-волны! Сигнал бедствия? – тут же заинтригованно предположил профессор.

– Мы все тоже так предположили, но сигнал идет отсюда, с планеты, – кивнул головой Мураев и назидательно поднял указательный палец. – И послушайте вот это!

Он перещелкнул один из тумблеров и комнату наполнили монотонный глухой стук, в котором едва угадывалась какая-то мелодия.

– Шифр рептилоидов! – ахнул Войцеховский и в очередной раз едва не уронил модуль дешифратора.

– Осторожнее! – вздрогнул Мураев и потянулся к прибору в попытке помочь.

Вдвоем они поставили его на стол дежурного, и капитан выключил звук, оставив так же тревожно мигать еще с десятков непрслушанных сообщений.

– Вы ведь можете расшифровать сигнал? – не убирая рук с прибора он пристально посмотрел на Войцеховского.

– Это модуль передачи, а не приема, – возбужденно затряс руками в сторону дешифратора профессор. – Чтобы им воспользоваться мне нужно подключиться к системе, передающей сигнал. Кроме того, вы ведь понимаете, что работоспособность модуля мной проверена чисто теоретически?

– Я все понимаю, Януш Георгиевич, – Мураев по-отечески положил руки ему на плечи. – Метрополия уже извещена, сюда направлена эскадра Четвертого Колониального флота с необходимым оборудованием и учеными на борту.

Все силы обороны заставы, от наземных до флота приведены в боевую готовность. Но если у нас есть хотя бы шанс узнать до прихода основных сил куда и кому отправляется сигнал – мы должны им воспользоваться.

Никите было непривычно видеть капитана в амплуа чуткого и участливого офицера, поэтому он так долго не мог понять истинной причины столь разительной перемены. Однако сейчас напускное очарование начинало спадать и становилось ясно что и Мураев, и Кудасов в возникшем инциденте увидели для себя возможность выслужиться и получить досрочный перевод из этой дыры за удачно разрешенный инцидент. Артефакты рептилоидов обнаруживались в пределах ойкумены катастрофически редко, и каждый раз это оказывалась очередная хитрая ловушка, оставленная врагом при отходе, в которой в последний раз сгорело два крейсера откомандированной эскадры, прежде чем очаг удалось уничтожить. Так что расшифровка сообщения и возможность предупреждения об гипотетической опасности непременно должны были привести к неизбежному повышению в звании или как минимум к ведомственной награде. Причем сделать это хотели руками гражданского специалиста, чтобы застраховать себя в случае непредвиденного провала и свалить все на министерство образования.

– Мы уже знаем откуда идет сигнал, – Мураев бросил быстрый взгляд на Нефедова, словно убеждаясь в том, что он на его стороне и снова принялся уговаривать Войцехов-

ского. – В Доломанах час назад было небольшое землетрясение и в одном из кратеров обрушилась часть свода. Там, в пещерах, по всей видимости и остался лежать с войны либо посадочный модуль, либо дивизионный командный танк.

– С таким же успехом там может оказаться целый крейсер, – не сдержался Никита.

– Тогда вам проще будет его найти! – без паузы, тут же сменив тон на свое обычное змеиное шипение, бросил острый взгляд в его сторону Мураев и продолжил увещевать профессора. – С вами будут два полных отряда патруля, за всем присмотрит старший прапорщик. Вы же знакомы с Климом Нефедовым?

Он специально акцентировал внимание на Нефедове, обладавшим непреклонным авторитетом и дурной славой дуболома, спорить с которым не просто бесполезно, но и зачастую не безопасно. Войцеховский опасно косился на Клима, то и дело бросая виноватые взгляды на Никиту, мол, тут же не поспоришь.

– Знаком, – обреченно проговорил он. – Если вы считаете, что это безопасно...

– Уверяю вас, – не скрывая своего облегчения, Мураев тут же подхватил это неуверенное согласие, – все пройдет как увлекательная экскурсия по музею. Клим!

Он подхватил двумя руками дешифратор, передал его Нефедову и не давая Войцеховскому прийти в себя, легонько подтолкнул его вслед за прапорщиком к выходу.

– Теперь ты, – ощутило ткнув двумя пальцами в грудь Никиты, он остановил его попытку пройти вслед за профессором. – Молча проведешь группу через пещеры до источника сигнала, даже если там будет военная орбитальная станция ящеров и молча выведешь обратно. Пять минут собрать оборудование и ни одного слова чтоб от тебя не слышал! Время пошло!

Больше чем Нефедова, за его солдафонство и озлобленность, презрение к окружающим, Никита ненавидел Мураева – если у прапорщика были свои, довольно жёсткие, но понятные принципы, то капитан был абсолютно беспринципен и от этого мерзок. Но ему ничего не оставалось кроме как смиренно терпеть нападки этих двоих, в надежде сохранить нетронутой хотя бы часть своей нервной системы и здравого смысла до спасительной отставки и долгожданной пенсии. Так что весь путь, пока он бежал в противоположный конец плаца к воротам оперативного склада, Никита представлял, как сидя у себя на балконе и потягивая мохито, будет с усмешкой вспоминать подзабытые годы военной службы. Пока в один из транспортеров уже поднимался Войцеховский под пристальным наблюдением Нефедова, второй уже парковался у склада под загрузку. Никита еще успел обрадоваться, что не придется все таскать самому, как следом за одним из сержантов, из салона машины неожиданно выпрыгнула Агата.

– Лейтенант, мои андроиды в вашем распоряжении, – от-

козырял сержант, – у нас три минуты на загрузку.

Пока Никита выбивал на пульте кладовщика необходимое оборудование в расчете на полноценную спелеологическую экспедицию из пятнадцати человек, а роботы ловко перегружали его из зоны выдачи в нутро транспортера, к нему боком подошла Агата.

– Ты что здесь делаешь? – прошептал в ее сторону Никита.

– Резервная смена на усилении в центре, меня вызвала Симеева как лучшего спеца взвода, – нервно постукивая рукой по бедру отозвалась Агата и бросила на него короткий испуганный взгляд. – Что происходит-то?

– Корабль рептилоидов в Доломанах нашли, – Никита уже добавил все что нужно и специально тянул с подписью в накладной. – Надо осмотреть.

– Мы что, наживка? – возмущенно встрепенулась она и их разговор заметил сержант.

– Закончили? – он требовательно посмотрел на Никиту и после утвердительного кивка повысил голос, чтобы слышал весь наряд: – Погрузка завершена, по местам, готовность десять секунд!

Никита и Агата пригнувшись втиснулись в нутро транспортера вслед за роботами, сержант запрыгнул последним и задраил люк.

– Выхожу за периметр, азимут семь, ноль, три, семь, герметизация активна, время в пути семьдесят девять минут, – тут же раздался в интеркоме бортовой связи голос водителя

и транспорт начал движение.

Неуставные отношения на заставе были запрещены, хоть и беззастенчиво игнорировались, но Никита все-таки старался не афишировать их с Агатой роман, на случай если Мураев решит ему отомстить за очередное выдуманное покушение на его честь и достоинство и не разведет их в разные смены. Интрига не ахти какая, но они так вжились в роль тайных любовников, что даже сейчас Агата сидела от него на изрядной дистанции, то и дело поправляя положение своей обтянутой комбинезоном задницы, съезжающей на каждой кочке в сторону Никиты по отполированному сотнями десантных задов пластику лавки. Он долго смотрел на ее мучения под цепким взглядом сидящего напротив сержанта, потом взял за локоть, подтянул к себе и вложил ее ладошку в свою.

– Хрен с ним, – ответил он на ее немой вопрос, и, заметив легкую ухмылочку на губах сержанта, отвернулся к окну задней двери с чувством полного удовлетворения от завершения дела, которое нужно было завершить уже давно.

Застава быстро уменьшалась в размерах, пока вовсе не скрылась в ночи за клубами поднятой транспортерами пыли. За окном однообразно клубилась темнота, Агата немного расслабившись, пыталась пристроить голову ему плечо, а сержант достал короткий складной ножик с изогнутым лезвием, и принялся счищать им местами облупившуюся краску с приклада плазмобоя.

– Как будто рептилоидова работа, – кивнул на нож Никита.

– Как будто, – кивнул головой сержант и прекратил свою процедуру. – Может и так. С Даиля, там полно такого.

Никита плохо ориентировался в географии Первых Колоний, но смутно помнил, что Даиль – один из первых десяти колонизированных миров, сейчас превращенный в одну большую свалку – уже в таможенной зоне Метрополии и без спецпропуска на него не попасть, не то что оттуда что-то вывезти.

– Даиль? – вслух удивился Никита.

– Даиль! – довольный произведенным впечатлением кивнул сержант. – У меня брат каботажником в Цехах служит, отбросы Метрополии с Даиля туда возит, вот иногда и перехватывает чего.

Зачем брату этого сержанта рисковать жизнью и тащить эту безделушку через таможню контрабандой Никита понять не мог. Впрочем, на Дальних Мирах встретить что-либо из эпохи оккупации довольно проблематично, вот и везут недалекие умы, на свой страх и риск, все что хоть как-то касалось рептилоидов, чтобы бахвалиться перед знакомыми раритетами. Удивительно, как все обернулось со временем, но причастность к культуре врага и вещице, и ее обладателю, теперь добавляли социальных баллов, будто выводя в отдельную касту причастных к тайне.

– Говорит Даиль теперь могильник всего что так и оста-

лось не понятым из технологий ящеров, – продолжал сержант. – Прямо целые закрытые зоны! Все отравлено, вроде как до сих пор фонит. Персонала ноль, везде только андрюиды, пограничные корабли на входе в систему встречают, до орбиты загрузки провожают, шаг влево, шаг вправо – сожгут и не моргнут.

– А нож тогда зачем, если все фонит? – улыбнулся Никита.

Сержант понял улыбку как-то по-своему, с сожалением шмыгнув носом и, глянув по-деловому в окно задней двери, принялся молча скоблить приклад.

Пока машину трясло по ухабам, Никита смотрел в темноту угамарской ночи, немного кровавой из-за рассеянной в воздухе пылевой взвеси, и пытался вспомнить, зачем вообще пять лет назад подписал контракт и уехал в самый дальний уголок известной вселенной. Служба в пограничных войсках никогда не была чем-то престижным, и даже хлыщи из Национальной Гвардии самой захолустной планеты смотрели на пограничников свысока. Жителям миров Внешнего Кольца, к коим относился и родной для Никиты Палатир, кроме льготы в военную академию, Федерация предоставляла бюджетные места и в местное летное училище, и в колледж госслужбы. Хорошие непыльные работенки внутри Системы, так сказать – где родился, там и пригодился. Вряд ли, уже тогда, увидев рекламу о наборе во вспомогательные службы пограничных войск, он мог понять, что это единственный способ выбраться за пределы родной планеты. И сейчас, гля-

дя на безжизненный пейзаж, мелькающий за окном, Никита с удивлением приходил к мысли, что толкнула к этому решению его старая книга с автобиографией Архистратига Икариуса, одного из основателей Ордена Паладинов Заслона, доставшаяся ему в наследство от деда, вместе со старой курительной трубкой.

Почти за сто лет до вторжения рептилоидов Икариус, тогда еще простой штатный инженер-исследователь Корпорации Заслон, возрожденной после разгрома техногенных сект, отринув спокойную жизнь на Земле, искал способ ускорить перемещение звездолета в гиперпространстве, посетив на своем корабле почти все известные миры. Как утверждала книга, установленные им маяки сумели разогнать его шлюп «Каллипсо» почти втрое быстрее чем самый быстрый федеральный крейсер, но толи это была неправда, толи результаты исследования были утеряны, однако подтверждения этому Никита так нигде и не нашел. Как бы то ни было, экспедицию свернули, Икариус вернулся на Землю, занял почетную должность в Корпорации и во время вторжения рептилоидов наряду с другими Архистратигами встал во главе Ордена. А Никита навсегда остался зачарован идеологией самопожертвования ради науки и прогресса и уже не мог смириться с участью оказаться запертым в родной системе до конца своих дней, возя руду на верфи или управляя какой-нибудь северной коммуной на триста человек.

– Готовность пять минут, – прервал его размышления го-

лос второго сержанта из интеркома. – Андроидам перейти в боевой режим.

Сержант наконец сложил ножик и убрал его во внутренний карман. Только сейчас Никита понял, что тот порядком волновался, и вся это история с прикладом и краской не более чем какой-то личный магический ритуал.

– По идее может и ничего серьезного, – попытался успокоить и его, и себя Никита, поправляя подкладку шлема прежде чем его одеть, – может действительно старый заржавевший танк. Заглушим сигнал, поставим метку и назад.

– Может и ничего, – хмуро кивнул сержант, затягивая ремни скафандра. Потом продул трубку подачи кислорода, убедился в достаточном заряде батареи и хлопнул забралом шлема. – А может и чего.

Через пару секунд бронетранспортёр остановился, и солдаты ринулись в проход между ними к задней двери, затянутые в боевой скафандр береговой охраны с плазмобоями наперевес. В открытый люк тут же вытянуло весь воздух и салон наполнился шумом ветра и пылью.

– Мы остаемся у входа в террикон! – прокричал сквозь шум сержант с противоположной лавки. – Исинбаев провезет вас как можно дальше! Вторую группу поведешь ты! Удачи!

И прежде чем Никита смог что-то ответить выпрыгнул вслед за роботами и захлопнул дверь. Давление воздуха в салоне тут же выровнялось и Агата потянулась к шлему чтобы снять его, но он перехватил ее руки.

– Далеко не проедем, – Никита довольно подробно помнил карту и строение этих кратеров, чтобы быть уверенным в скорой остановке.

Так и случилось – после нескольких резких поворотов и довольно чувствительных ухабов, транспортёр встал и заглушил двигатель. Было слышно, как Исинбаев выпрыгнул из кабины и постукивая костяшками по броне, подошел к закрытому люку багажного отсека.

– Держись рядом если что, ок? – без особой надежды Никита попросил Агату.

– Нефедов как-то понадежнее будет, если что, – съязвила она и первая встала к выходу. Уже взявшись за ручку люка, прежде чем открыть, обернулась, отчего вставший следом Никита почти столкнулся с ней. – Ты тоже там не лезь на рожон.

В кромешной темноте пещеры у грузового отсека мелькал луч света от нашлемного прожектора Исинбаева, чуть впереди, за тупой мордой транспортера, из открытого зева первой машины выгружалось второе отделение во главе с Нефедовым.

– Зайцев! – требовательно позвал Клим, еще не выбравшись из транспортера. – Сколько до объекта?

– Да черт его знает, – проговорил себе под нос Никита, но тут же склонился над вовремя расчехленным сержантом эхолотом. Грунты здесь были очень мощные, сильно замагниченные породой, поэтому даже отсюда источник сигнала

определялся как неопределенное пятно метрах в пятьста ниже.

– Ну? – из темноты над ним возник Нефедов.

– Минут двадцать-тридцать, – продолжая сидеть на корточках посмотрел на него снизу-вверх Никита, – если не будет сюрпризов.

– Толку с вас! – с нескрываемым презрением протянул Нефедов, имея ввиду, по всей видимости, все вспомогательные службы, потом ткнул пальцем в Исинбаева: – Сержант, ты со спелеологом в голове, андроиды за вами, мы замыкаем цепь. Радистка, за мной.

Широким шагом, от возбуждения рефлексивно покрикивая на солдат, Клим, подталкивая в спину Агату, вернулся к транспортёру и сцепил канатом себя с Войцеховским.

– Давай спелеолог, веди, – Исинбаев захлопнул дверь транспортера и в нетерпении припрыгивал на правой ноге.

Где-то под ложечкой предательски свербило то ли от ожидания неизвестности, то ли от беспокойства за Агату. Пока Никита цеплял на себя серийный силовой каркас экзоскелета бурового проходчика, он перебирал в голове возможные варианты ситуаций, в которых не хотелось бы оказаться. С одной стороны, если случится обвал – Агате лучше было бы оказаться рядом с ним, но с другой – в хвосте, значит подальше от чего бы там ни было, к чему они шли, да и Агата права – если что-то случится, Нефедов понадежнее андроидов будет.

– Зайцев? – нетерпеливо крикнул Клим. Они уже стояли в сцепке, куб дешифратора был надежно закреплен у прапорщика за спиной, андрюиды покорно замерли в стойке «равняйся».

– Готов! – Никита распрямился и одним движением закорил свою сцепку за пояс Исинбаева.

Проход оказался проще чем представлялся сначала, но времени занял больше. Почти сразу вертикальный спуск метров на сто застопорил их минут на тридцать, потому что хоть Никита и проставил лаги максимально часто, Нефедову пришлось тащить Войцеховского вниз на себе. Пока профессор боролся с приступами клаустрофобии и гипертонии на плечах у Клина, Никита расширил проход дальше по треку, и через час они добрались до большого завала, перекрывшего им путь.

– Ты ж говорил пол часа, – Клим подошел сзади, когда Никита устанавливал эхолот. В его голосе отчетливо добавилась нотка уважения к работе вспомогательных служб.

– Пол часа это мне, а с вами полтора, – отшутился Никита.

Нефедов присел рядом на корточки и внимательно наблюдал за работой прибора. Сканер пищал, читая породу, и над голокубом голубыми бегущими линиями медленно вырисовывались очертания колониальной яхты с гипердвигателем, размером не меньше флотского шлюпа.

– Корабль, – со странным спокойствием констатировал Клим.

– Как он, твою мать, здесь оказался? – Никита не мог похвастаться выдержкой Нефедова и вскочив, взывал к здравому смыслу, в исступлении протягивая руки к проекции. – Клим, его ж просто не посадить на планету! Он же сгорит в атмосфере! Как он оказался под полукилометровым слоем породы?

– Как-то сел, – Нефедов встал и буднично отряхнул пыль с предплечья. – Потом как-то завалило. Я так понимаю мы дошли?

Никита глянул на данные, которые все еще грузил эхолот. Борт корабля был буквально в двух метрах за завалом – пара минут работы.

– Гаджиев, двух андроидов на входе, всех остальных сюда, – Клим не стал дожидаться утвердительного ответа от Никиты. Потом хлопнул его по плечу и пошел навстречу отряду: – Работай.

Работай! Никита вздохнул ему вслед и свернул эхолот. Если за обшивкой этого загадочного корабля есть хоть что-то представляющее опасность, первым под раздачу попадет конечно он. Вечная история с первопроходцами. Кто-то в карстовую воронку попадет, кого-то породой завалит, в его, Зайцева Никиту, растерзают древние восьмидесятилетние рептилоиды, во имя науки и тщеславия капитана пограничной службы Мураева. Нефедов вернулся как раз к моменту, когда Никита расчистил узкий проход в завале, укрепил свод, и в дальнем углу сверкнул металл обшивки корабля.

– Немыслимо! – послышался сзади восхищенный возглас Войцеховского. – Господа, мы творим историю!

– Или очередной сюжет для экстренных новостей, – обомлело пролепетала Агата.

– Милая девушка, вы даже не понимаете всей величины происходящего! – даже не глядя на нее возразил профессор. – Это первый корабль инопланетной цивилизации, доставшийся человечеству! Никто и никогда так и не смог захватить даже спасательного бота рептилоидов, и честь этого открытия выпала нам!

– Вскрывай! – почти вслух поморщился Нефедов.

Четырьмя широкими разрезами Никита вскрыл обшивку корабля, ожидая чего угодно, но когда в образовавшийся провал с грохотом рухнули обломки, навстречу им показали лишь тишина и темнота.

– По всей видимости никого давно нет дома, – облегченно вздохнула Агата.

Первыми в пролом вошли патрульные и спустя несколько минут напряженного ожидания, внутренности корабля озарились красноватым светом аварийного освещения.

– Все системы рабочие, корабль сел сам, – в проеме показался Исинбаев и снял шлем. На его лице читалось изумление. – Вам нужно это увидеть.

Чтобы обменяться с Агатой улыбками Никита пропустил всех вперед и зашел в пролом последним. Датчики скаффандра показывали, что патруль запустил центральную консоль,

и на корабле работает не только освещение, но все системы жизнеобеспечения, включая воздух и гравитацию. Пока все ушли за Исинбаевым, Никита снял шлем и огляделся.

Это определенно был грузовой отсек исследовательского корабля – высокий потолок, несколько барокамер, два ряда надежно закрепленного такелажа с полезным грузом вдоль стен, длинный ряд скаф-шкафа, когда-то заполненного скафандрами разных типов. Грандиозная картина былого величия, Федерация таких не строит – человечество больше ничего не исследует, ведь за границами ойкумены рептилоиды. Этот страх, пережитый ужас войны, сковал некогда гордую расу с маленькой голубой планеты на отшибе галактики, превратив в бледное подобие себя, отгородившуюся от вселенной блокпостами. И чем больше Никита всматривался в переборки этого корабля, тем сильнее у него росло чувство, что корабль этот ему знаком.

По спине у него побежали мурашки, и Никита обернулся в сторону лаза, как-будто мог рассмотреть оставшихся в охране андроидов. В нем ширилось чувство тревоги и страха, заставляя нервно сглатывать вдруг пересохшим горлом, а на лбу собирался липкий пот. Здесь что-то было не так, Никита это чувствовал каким-то звериным чутьем, о существовании которого у себя раньше даже не подозревал.

– Никита! – из-за переборки выбежала Агата. – Ты что здесь торчишь! Быстрей!

Она была возбуждена, улыбка не сходила с ее лица, а голос

от переполнявших ее чувств то и дело срывался в фальцет. Агата дернула его за плечо, но этого ей показалось мало, и забежав Никите за спину, она принялась толкать его двумя руками. Когда и это не произвело достаточной для нее реакции, она по-детски запрыгала перед ним и призывно замахала, будто маленькая девочка у новогодней елки с подарками.

– Давай, дубина, это что-то! – она снова потрепала его за плечо и не удержавшись, убежала вперед.

Никита нагнал Агату у капитанского мостика и только тогда увидел причину ее восторга. У входа, оперевшись спиной о переборку, глядя невидящим взглядом на давно потухший экран обзора, сидел труп паладина Ордена Заслона, даже сквозь вековую пыль, продолжая блистать штурмовым золотым доспехом.

– ..мы сможем воссоздать утерянную технологию доспехов Ордена! – вещал на все помещение возбужденный профессор, вздымая руки к потолку. – Больше! Мы сможем воссоздать Орден! Вы понимаете? Человечество снова начнет экспансию, раздвинет горизонты, исчезнет угроза рептилоидов!

– Попейте водички, – заботливо протянул фляжку Исинбаев, когда Войцеховский вдруг сорвал голос от волнения и тяжело закашлялся.

На какое-то время в рубке воцарилась тишина, прерываемая только натужным кряхтением профессора. Агата разворачивала связь и пыталась подключиться при помощи де-

шифратора к системе корабля, Нефедов о чем-то тихо переговаривался с Исинбаевым, у каждого из двух выходов дежурил андроид, остальные по всей видимости исследовали корабль. Никита подошел к останкам паладина и присел рядом с ним. Вблизи было видно, что броня доспеха во многих местах была иссечена осколками, кое-где оплавлена плазмой, а по золоту бежала тонкая сетка трещин. Когда-то прозрачное забрало шлема потемнело от копоти и времени и внутри с трудом можно было угадать очертания оскаленного человеческого черепа.

– А что делает паладин Ордена на корабле ящеров? – все еще глядя на череп в шлеме, в пустоту задал вопрос Никита. – И где собственно сами эти ящеры?

Нефедов бросил на него быстрый взгляд, в котором прочиталось что-то вроде «заметил наконец», и вернулся к разговору с Исинбаевым. Войцеховский сделал еще один быстрый глоток и сильным голосом быстро заговорил:

– Мне кажется этому паладину удалось вырваться с Хадара на вражеском корабле, но добраться до Колоний ему так и не удалось.

– Далеко же его занесло от Колоний, – недоверчиво протянул Никита и, не совладав с собой, зачем-то протер рукой пыль с забрала паладина.

Сложившийся за десятилетия хрупкий баланс рубки, трупа и времени тут же был нарушен, и доспех, загремев, неловко съехал на пол, открыв отпечатанный на стене герб. Увидев

его, Никита от неожиданности попытался отпрянуть от труппа, но задрожавшие ноги под ним подкосились, и он просто плюхнулся на пятую точку там, где сидел. Это был не страх, но очень похожее на него чувство невозможности происходящего.

– Это человеческий корабль! – дрожащим голосом проговорил он отползая.

– Вздор! – всплеснул руками Войцеховский. – Посмотри-те, на стене выбит знак Дома Ашиа, одного наиглавнейших в иерархии рептилоидов.

– Это герб Икариуса! – Никита наконец встал и кричал на профессора тыча пальцем в стену. – Это исследовательский корабль Икариуса. Это Каллипсо!

– Вы бы лучше осторожнее были с бесценными артефактами, молодой человек, – уничижительно покачал головой Войцеховский. – Я двадцать лет изучаю культуру рептилоидов, и могу со стопроцентной, нет, двухсотпроцентной уверенностью сказать, что это знак Ашиа.

– Твою мать, – Никита как будто его не слышал и взявшись двумя руками за голову принялся ходить из стороны в сторону. – Я, блин, смотрю ж, грузовой знакомый! Точь-в-точь как на картинке. И профиль эхолот похожий отрисовал!

– Зайцев! – в голосе Нефедова было еще что-то кроме просто командирского окрика, но Никита все-равно его не слышал.

– А это! – ошарашенный внезапным открытием Никита

остановился и ткнул пальцем в труп. – Это, вашу мать, Архистратиг Икариус, собственной персоной!

Клим секунду смотрел на эту немую сцену, борясь внутри себя между желанием привести в чувство вдруг обезумевшего спелеолога и чувством недосказанности перед самим собой, потом тремя шагами преодолел расстояние разделяющее его и останки паладина и заглянул в шлем. Всем было известно, что Икариусу в знак особых заслуг, Ареопаг заменил все зубы на золотые, поэтому проверить последнее утверждение Никиты было проще простого.

– Это Икариус, – снова спокойно сказал Клим, с благоговением положил голову паладина на пол, и подошел к Агате.

– Это лишь доказывает мою теорию! – крикнул ему вслед Войцеховский. – Икариус спасся на Хадаре, но погиб здесь!

– Это Каллипсо! – Никита успокоился и тихо сел рядом с Агатой, над которой требовательно навис Нефедов.

Странно, но сейчас, когда в голове вдруг образовалась каша, Никиту он уже не пугал. Скорее наоборот, с этими затерянными кораблями Ордена, мертвыми Архистратигами и сигналами бедствия на коде ящеров – Клим ощущался надёжной опорой человечества и его, Никиты, в частности.

– Да откуда вам знать, молодой человек, – махнул рукой Войцеховский, склоняясь над трупом, чтобы убедиться в присутствии золотых зубов.

– У меня автобиография Икариуса есть, в бумаге, – Никита чувствовал свою правоту, но что делать с ней пока еще

не знал.

– Молодой человек! – обрадованно воскликнул Войцеховский. – Икариус никогда не писал автобиографии! Все что вы могли видеть – новодел и подделка! Это я вам как человек с ученой степенью говорю.

– Есть подключение! – Агата скинула наушники и посмотрела на Клима.

– Так давайте скорей! – профессор бросился к ней с протянутыми руками, но Агата его остановила.

– Расшифровка не требуется, – она перевела тумблер связи на внешние динамики.

Рубку на десять секунд наполнил шум помех, которые занимали эфир между сигналами, затем заговорил властный, металлический голос Икариуса.

«После штурма Хадара поврежден гипердвигатель. На броне пробоина во внешнем биоконтуре, жизнеспособность падает. Дошел до серой зоны на границе контроля рептилий. Аварийная посадка... необитаемый планетоид Угамар. Требуется эвакуация.»

И после тридцати секунд шума помех, снова тот же голос.

– Штурм Хадара? – удивленно обвел всех взглядом Клима и остановился на профессоре. – Паладины защищали Хадар, а не штурмовали!

– Какая эвакуация? – подал голос Исинбаев. – Зачем было лететь через все Колонии чтобы просить об эвакуации?

– Это какой-то бред, – обескураженно уселся в ближай-

шее кресло Войцеховский. – Это какой-то неисследованный пласт истории Ордена. В этом нет смысла.

Клим снова обвел всех тяжёлым взглядом, задержался на Никите, дождавшись пока тот утвердительно кивнет.

– Передавай что мы нашли Каллипсо, – указал он Агате. – Опасности нет. Аварийный код рептилоидов использовал паладин.

Агата отчеканила сигнал и все кроме профессора Войцеховского немного расслабились. Никита с удовольствием откинулся на спинку кресла и зажмурил глаза. Очевидно, что они нашли что-то из ряда вон выходящее, возможно настолько секретное, что им придется весь остаток жизни провести на Угамаре под подпиской о невыезде и неразглашении, но сейчас можно было насладиться своею причастностью к чему-то очень большому и непознаваемому. Кроме того, Агата тоже оставалась здесь и никуда от него не денется.

– Исинбаев, сними боевой режим с андроидов, – сквозь мысли до Никиты донесся голос Нефедова. Спустя несколько секунд более требовательно: – Что не ясно, Исинбаев?

– Нет ответа, что-то... – Исинбаев захлебнулся на полуслове, распаянный напололам лучом плазмобоя.

В воздухе повисла густая взвесь воняющего жженого пластика и сгоревшего сала, аварийное освещение сгустилось до полумрака, и все встало на свои места. То, что происходит – не должно происходить, и они в самом центре событий.

Первым же выстрелом второго андроида был испарен про-

фессор Войцеховский, который даже не понял, что происходит. Следующий залп от него должен был прийтись в Агату, но она успела сползти под приборную панель, и луч плазмы прожег дыру в обзорном экране. Это дало время Никите активировать проходческий резак и размашистым жестом снести роботу голову вместе с частью обшивки за ним. Понимая, что достать первого андроида он не успевает, Никита бросился на пол, под остатки кресла с Войцеховским, и только тогда увидел, как Клим методично вскрывает грудную клетку роботу штурмовым тесаком, не обращая внимания на порядочную дыру в левом боку.

– Агата, жива? – прохрипел, лежа на боку Никита.

– Да что за херня здесь происходит? – Агата выскочила из-под панели, бешено вращая глазами.

– Двери! – с придыханием выдавил из себя Клим, едва удерживая равновесие, встав на одно колено и рукой оперевшись о стену. – Их еще шестеро снаружи.

Агата одобрительно ткнула пальцем в сторону Нефедова и бросилась к пульту. Матерясь по чем свет стоит, она все же смогла опустить аварийные переборки, когда в сумраке коридоров уже раздавался топот сапог.

– Итак, мы в ловушке, – констатировала она, когда с той стороны андроид безрезультатно полоснул плазмобоем по двери. – Через пару часов Клим отправится к своим нордическим предкам, а эти молодцы вскроют двери и нам все равно хана!

– Свяжись с заставой, пусть пришлют подкрепление, – Никита подошёл к Нефедову и вколол тому обезболивающее. После этого Клим забрал у него аптечку и сам принялся обрабатывать рану.

– Это они и дали команду нас перебить, как только узнали, что мы нашли, – поморщившись прорычал он. – Они, или скорее кто-то выше. Я всегда говорил – эти ублюдки с Земли уже давно ничего общего с остальным человечеством не имеют, Колонии для них как бесконечная кормушка, а Заслон для них всегда был как кость в горле. Разве допустил бы Ареопаг внутреннюю границу между Метрополией и Колониями? Мы отгородились от внешнего мира, закрылись в ракушке цепи застав и никого не впускаем, никого не выпускаем. Ничего нового не открыто, ничего нового не изобретено, мы живем на обломках старого мира, на остатках, которые не разрушены войной и делаем вид что все так и должно быть.

Подобного красноречия со стороны Клима вряд ли кто-то мог припомнить даже из числа всего персонала заставы, а уж Никита смотрел на него с не меньшим удивлением, чем на недавно обнаруженные останки паладина. Замерла и Агата, едва занеся руку над пультом, заинтересованно слушая внезапное откровение старого прапорщика.

– Им в Метрополии выгодно чтобы мы никогда ничего не узнали о Заслоне, об Ордене, – продолжал Нефедов и обосновывал свое главное обвинение правящему человечеством

классу с Земли. – Им нужно чтобы мы никогда не узнали, что во время войны Орден сражался с ними, сеющими смуту!

– Понятно, – едва слышно присвистнула Агата, покрутив пальцем у виска, и принялась налаживать связь.

Однако Никита вдруг уловил какое-то трезвое зерно в рассуждениях Клима. Почему книга, дедово наследство, в реальности которой он ничуть не сомневался, оказалась забыта, вычеркнута из истории? Почему звездолет одного из иерархов Ордена Заслона посылает в вечность сигнал бедствия якобы на реплондном коде? Наконец, почему андроидам пришел приоритетный приказ уничтожить нас сразу после отправки сообщения? Слишком много вопросов, единственным логичным ответом на которые было то, что пытался им доказать Клима.

– Все чудесатее и чудесатее, – меж тем подала голос Агата. – Парни, связи с базой нет, но в систему зашел неизвестный флот на четыре корвета, и запрашивает с нами связь.

Никита пожал плечами и обернулся на Нефедова. Его этот день уже перестал удивлять, а если бы Клима не потерял сознание, кажется он бы просто улыбнулся. Агата все еще вопросительно смотрела на него, и Никита подошел к ней, обнял за плечо, и щелкнул тумблером. По разбитому плазмобоему экрану побежала волна, и большое изображение расслоилось на десятки поменьше, отчего складывалось впечатление что перед ними было разбитое зеркало. С больших и маленьких осколков на них смотрел немолодой уже мужчи-

на вполне себе земной наружности, затянутый в золотистый мундир, с колкими глазами и короткой бородой-эспаньолкой.

– Если что, от нас сигнал не идет, – успела вставить Агата.

«... адмирал Корпуса Апостолов Заслона ... ский. Вы обнаружили ... войны. Орден уничтожен. Земля захвачена рептилоидами. Метрополии не существует! Не верьте ... Калипсо нужно спасти ... ценная информация ... всего человечества! Время прибытия четыре ... минут.»

Когда сигнал пропал они еще какое-то время молча стояли, держась за руки, не обращая внимание на жгущие переборки плазмобои андроидов. Четыре часа, это в два раза дольше, чем могли выдержать двери. Агата до боли сжимала его пальцы, но, если бы этого не делала она, он бы поступил так же. Можно было гадать, почему это с ними произошло, винить судьбу за тяжелое испытание, или плакать о бесцельно прожитых годах в обмане и забвении. Но Никита улыбался, глядя на свою женщину, потому что впервые в жизни все было предельно просто и у него появилась цель, достойная древних героев Ордена Паладинов Заслона.

Он оглянулся на дрожащие под ударами роботов переборки, потом на лежащий в стороне штурмовой доспех Икаруса, потом на Агату и хитро улыбнулся.

– Если есть хоть один паладин, значит Орден еще существует?